

Дверь на лугу

ДВЕРЬ НА ЛУГУ

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ПЕРЕСКАЗАЛ

Л. Кузьмин

СОБРАЛ

В. Климов

РИСОВАЛ

Н. Попов

Москва • Детская литература • 1980

СЕСТРИЧКА И БРАТЕЦ

Жили-были сестричка и братец. Жилось им худо. Родители у них умерли, а на дворе зима, стужа, да тут ещё и все припасы стали подходить к концу. И хлеб у них в доме последний, и крупа для похлёбки последняя, едва-едва до весны дотянули.

Весною взяли они пустое лукошко и выбежали из дома на задворки, на тёплую проталинку. Думают: «Щавеля насобираем или пестиков...»

А на задворках росла, шумела под ветром большая сосна.

И вот подбегают братец да сестричка к ней и видят: вьётся по сосновому стволу гороховый стебель. Стебель как стебель, сочный, зелёный, с усиками-завиточками, но очень уж толст и высок. Макушка его в самом верху сосны спряталась, а яркие листья на нём — шире лукошка.

Тут сестричка братцу и говорит:

— На этом стебле и стручки, наверное, куда как велики... Слазаем, нарвём?

— Нарвём! — ответил братец. — Такая находка нам в самый раз.

И братец подсадил на сосну сестричку, сестричка подхватила братца, и они полезли вверх.

Час лезут, второй лезут, а гороховый стебель уходит всё выше да выше. А сосновые ветки становятся всё

гуще да гуще, а по веткам скачут белки, где-то рядом синицы насвистывают, дятлы стучат, и всё вокруг как в настоящем лесу. Только земли тут под ногами нет, она далеко внизу осталась.

Вдруг видят сестричка с братцем: стоит на сосне в зелёной тишине избушка-развалюшка. Покрыта избушка вместо соломы сухой шелухой от гороховых стручков, а за распахнутой дверью что-то погремливает.

Заглянули сестричка с братцем за дверь, а там баба-яга сидит, меленкой-жёрновом горох мелет.

От старости баба-яга клюкою согнулась, ничего уже толком не видит, но дело у неё идёт бойко. Меленка крутится, рокочет: гыр-гыр, гыр-гыр; мука из меленки сыплется в ларец: шур-шур, шур-шур, и что самое главное — подбросит баба-яга в меленку гороху горсть, а высыпается из меленки муки целых три пригоршни.

— Смотри,— говорит братец сестричке шёпотом,— какое у бабы-яги богатство... Давай-ка и мы себе этой мучки в лукошко зачерпнём, в ларце не убудет, а нам — спасение. Киселя дома сварим.

— Давай,— отвечает сестричка.

И вот они вошли на цыпочках в избушку, и как только баба-яга меленку крутить начнёт, как только зашумит, загремит жёрновом, они лукошко в ларец опустят да муки-то и зачерпнут. Баба-яга зашумит, а они опять зачерпнут.

Не может их баба-яга разглядеть сослепу да в полутёмной избушке, но по ларцу рукой нет-нет да и пошарит.

Пошарит и тут же удивится:

— Что такое? Мелю-мелю, а муки и убывать не убывает, но и прибыли нету... Неужто под жёрновом задерживается?

Поднимет жёрнов, продует, прочистит, и вот опять крутится меленка, и опять сыплется мука, а братец с сестричкой подставляют лукошко.

Почти полное уже набралось у них лукошко, да вдруг баба-яга меленку остановила совсем, прислушалась, повела туда-сюда носом и говорит:

— Не-ет, что-то тут не так... Кажется, кто-то тут живой в избушке есть. Надо проверить... А ну, слуга мой верный, кот Воркот, спрыгни с печки!

И с печки спрыгивает кот — чёрный-пречёрный, одни лишь глазищи зелёные. Спрыгивает, потягивается, на сестричку с братцем уставился.

Вздогнули сестричка и братец: «Пропали мы теперь! Беда».

Но кот их и трогать даже не стал. Поднялся на задние лапки, ударил передними, как в ладоши, да и пустился в пляс.

Пляшет и песенку поёт:

Во горохе, во огороде
Кукарекают стручки!
Кто сейчас не засмеётся,
Тот и выйдет в дурачки!

Братец, глядя на диво такое, и впрямь чуть не засмеялся, да тут посмотрел на сестричку. А та ему рукой машет, пальчиком грозит: «Не смейся, мол! Нельзя... Как засмеёшься, так в дурачках-то и окажешься. Услышит баба-яга, захлопнет дверь, и нам отсюда не убежать».

Братец сестрички послушался, и они тихо-тихо подняли лукошко и вышли осторожно из избушки за порог. А там — с ветки на ветку, с одного сучка на другой — быстрёхонько и на землю спустились.

Примчались в родной дом, сразу киселя наварили, гороховых лепёшек напекли и стали жить да радоваться.

Но радовались недолго, через неделю мука вся кончилась. Глянула сестричка в пустое лукошко и говорит:

— Делать нечего, опять надо подниматься к баба-яге. Только ты, братец, не смейся там... Пропадём!

— Ну что ты, не засмеюсь,— ответил братец.

И вот они снова добрались до вершины сосны, до избушки-развалюшки.

Стоит избушка на прежнем месте, и дверь в ней открыта, и меленка за дверью по-прежнему погремливает, только в том и разница теперь, что из трубы над избушкой дым валит.

— Стряпать, наверное, собралась баба-яга... Давай, пока меленка шуметь не перестала, муки быстро наберём и убежим!— сказали сестричка с братцем и потихоньку в избушку вошли, подставили лукошко под меленку.

И вот опять в меленке жёрнов рокошет: гыр-гыр, гыр-гыр; мука из меленки сыплется в лукошко: шур-шур, шур-шур, а баба-яга по ларцу рукой шарит и сердится:

— Мелю-мелю, а муки не прибывает... Эй, кот Воркот! Слезай с печки!

Но сестричка с братцем кота уже и не боятся, знают: он сейчас плясать пойдёт, смешить станет. «Пусть,— думают,— смешит, мы всё равно не рассмеёмся».

А кот, и верно, опять пляшет, опять хвостом и лапами так и этак выделывает, да только песенок-то уж больше не поёт. А подходит он этак бочком, бочком к самым ногам братца, и проводит по его коленкам пушистым ухом, и головою об коленки трётся; и стало братцу очень щекотно, и он засмеялся.

А как засмеялся, так баба-яга в ладоши ударила, закричала громким голосом:

— Избушка, повернись! Дверь, захлопнись!

И дверь захлопнулась, и баба-яга руки растопырила, по избушке туда-сюда забегала, стала сестричку с братиком ловить.

Ловила, ловила, не поймала, опять крикнула:

— Сделайся, избушка, о трёх углах, четвёртый спрячь!

Пропал в избушке четвёртый угол, осталось три, и тут баба-яга братца за рубашонку и схватила.

Схватила, к печке потащила.

— Вот,— говорит,— соколик, и отбегался! Не удалось тебе меня, старуху, обхитрить. Садись на лопату, полезай в печку! Там ты прокоптишься, дымом продымишься и станешь чёрным воронёнком... У меня чёрный кот есть, а воронёнка нету. Мне, бабе-яге, ещё и воронёнка в слуги надо.

Заплакал братец, а сестричка не стерпела, сама к бабе-яге кинулась:

— Не сажай моего братца в печку, не делай его чёрным воронёнком. Он у меня совсем ещё маленький и служить тебе не сможет. Бери лучше меня, я побольше.

— Ой, так ли? — говорит баба-яга.— А ну, встань рядышком с братцем, я вас померяю.

И встала сестричка рядом с братцем, и даже на пальчиках поднялась, чтобы повыше показаться.

Баба-яга ладошкою по их головам провела, говорит:

— Верно! Сестричка повзрослее... Ну что ж, сама насылалась, сама на лопату и садись. Полезай в печку. Будешь у меня служить чёрным воронёнком.

Села сестричка на лопату, а ногами, руками в шесток упёрлась, и никак её баба-яга в печку запихнуть не может.

Пихала, пихала, даже упарилась.

— Что-то,— говорит,— ты не так там делаешь. Не ладом, должно быть, уселась.

— Я ладом пока не умею,— отвечает сестричка.— Я в слуги твои только ещё готовлюсь, ты меня поучи.

— И поучу,— говорит баба-яга,— и поучу... Вот смотри, как добрые-то слуги сами на лопату садятся.

И тут она села на лопату сама, вся в крючок согнулась, а сестричка с братцем не будь плохи: к лопате—скок, лопату—на шесток да прямо в печное нутро бабу-ягу и сунули.

Опахнуло старую каргу огнём и дымом, и стала она вмиг сама заколдованной птицей. Только не вороном и не воронёнком, а серой вороной.

«Кар-р!» — закричала ворона заполошно, взмахнула крыльями да и — поминай как звали! — вылетела вместе с дымом в печную трубу.

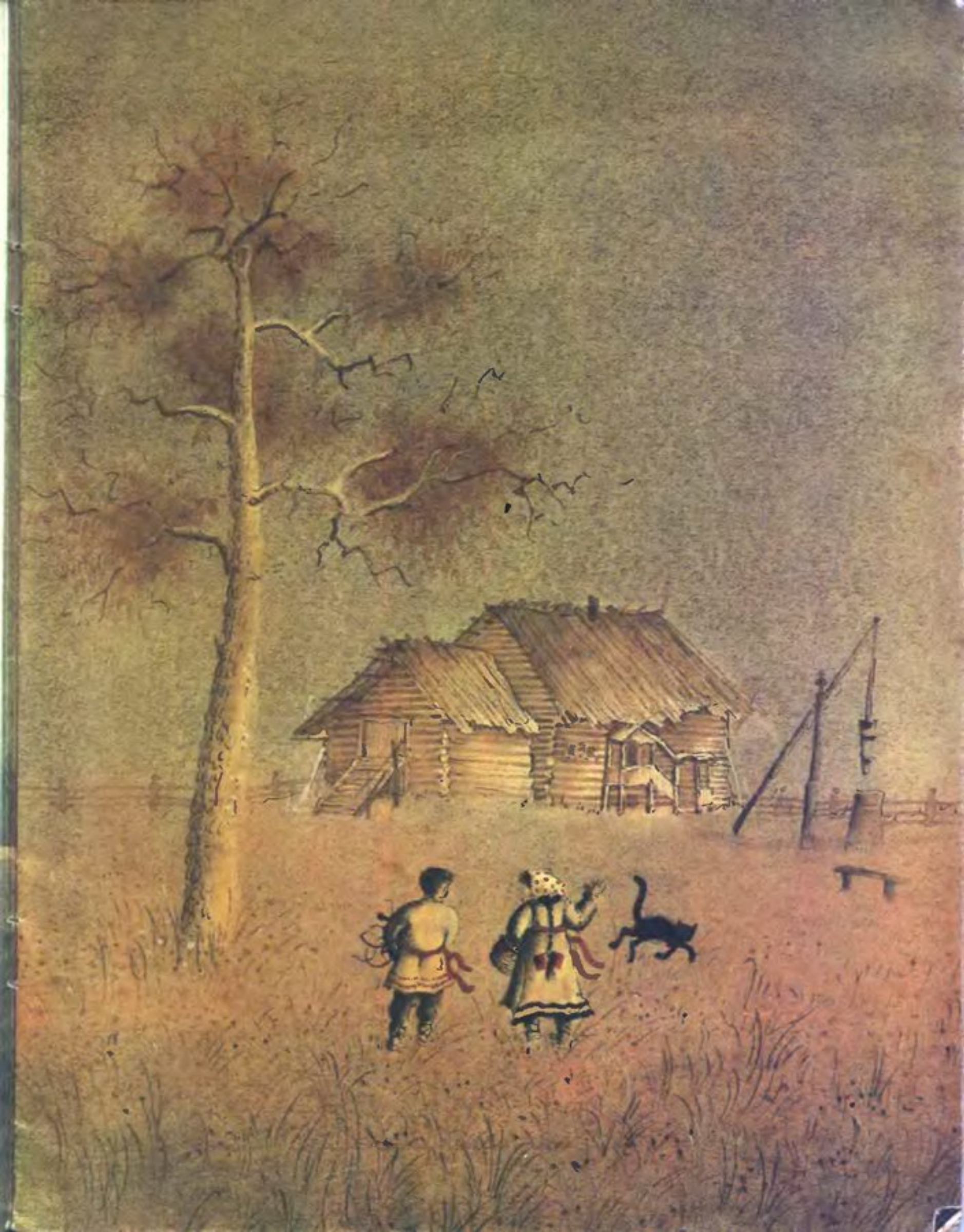
А сестричка с братцем обрадовались, крепко обнялись, а когда оглянулись вокруг, то нет уже рядом ни печки, ни тёмной избушки. Стоят они прямо под ясным солнышком, под зелёной сосной у себя дома на задворках.

Лукошко с мукою тоже тут. И меленка, полная гороха, тут. И чёрный кот Воркот ходит вокруг меленки, мурлычет:

— Возьмите и меня к себе вместе с меленкой. Я служить вам буду верней, чем бабе-яге, и песенки стану петь ещё веселее.

И взяли братец да сестричка кота и меленку к себе в дом, и стали жить хорошо и весело. Кот ходит перед ними по строганым половичкам, кувыркается по широким лавочкам, песенки поёт, а они подхлопывают ему в ладоши и смеются безо всякой опаски.

А меленка погремливает: гыр-гыр, а гороховая мука сыплется из меленки: шур-шур; и не кончалась эта мука до той поры, пока сестричка и братец не выросли. А как выросли, то и сами устроили свою жизнь ещё лучше.

МЕДВЕЖЬЯ НЯНЮШКА

Собрались три сестрёнки — старшая, средняя да младшая — по землянику. А родители их отговаривают:

— Поздно уже. Вечер скоро. Заблудитесь в лесу.

— Мы в лес не пойдём, мы походим за деревней по перелесочкам, — ответили сестрёнки да и убежали.

Примчались к первому перелеску, а земляники там нет.

Кинулись во второй перелесок, обшарили всю опушку, но земляники и там нет.

И так они уходили от дома всё дальше и дальше, а когда солнышко стало садиться, то оглянулись вокруг и чуть не охнули.

Не видно рядом ни знакомых полей, ни лугов, вокруг тёмный бор шумит, и никто из них теперь не помнит, какой дорогой сюда зашли, никто не знает, какой дорогой выйти.

— Туда надо... — показывает старшая сестрёнка.

— Нет, туда... — спорит средняя.

А младшенькая тоже тянет в свою сторону, да никто её, младшенькую-то, совсем и не слушает; пошли туда, куда старшая сказала.

Шли-шли, а бор всё глуше, а бор всё темнее, и вот наконец вышли к лесному низенькому домишке. Домишко невысок, да крепок: сразу видать, в нём справный хозяин живёт.

Тук! — стукнула робко в оконную раму младшая сестрёнка.

— Выгляни, кто тут есть, в окошко. Покажи нам домой дорожку. Мы тебе в пояс поклонимся.

Да никто в доме не шевельнулся, никто из окошка не выглянул.

Тук-тук! — тогда постучала чуточку посмелее средняя сестрёнка.

— Выгляни, кто тут есть, в окошко. Покажи нам дорожку. Мы тебе в ноги поклонимся.

И опять никто в доме не шевельнулся, никто оттуда не выглянул.

Тук-тук-тук! — тогда застучала старшая сестра и сказала совсем смело:

— Эй! Кто тут есть? Отзовись! Выгляни в окошко, покажи нам дорожку, мы тебе поклонимся до самой земли.

И окошко звякнуло и распахнулось, и оттуда выглянула встрёпанная спросонья медвежья голова.

— Кто меня, медведицу, беспокоит? Кто стучит? Хозяина дома нету. Хозяин мой — Михаил Иванович — на дальний промысел ушёл, а я без него дверь никому не открываю... Подите прочь!

Но тут она продрала сонные глаза лапищей и вмиг перевернулась.

— Ой, — говорит ласковым голосом, — это вот кто стучит в окошко, это вот кто... Три девочки, три сестрички, три алых ягодки! Входите, дорогие гостеньки, входите... Заночуете у меня, а поутру и дорожку разыщем.

— Нельзя нам до утра ждать, — говорят девочки. — Нас тятка с мамкой искать будут. Расстроятся, заплачут.

— Не заплачут, — уговаривает медведица, — не заплачут! Что им на ночь-то плакать? Незачем. Ночью спать надо... У меня вон медвежонок Минька малень-

кий, а и то ночью никогда не ревет. Спит себе в зыбке, лапу посасывает, и все дела. Заходите, заходите... Утро вечера мудреней! Я вас утром-то и домой провожу, и лесной похлёбкой угощу. Довольнѣхоньки будете.

Вот так вот и пришлось девочкам ночевать у медведицы, а спать она их положила на еловые зелёные постельки, а под головы по моховой кочке подсунула.

Младшая сестрёнка уснула сразу и крепко. Очень она, пока плутали, умаялась. А средняя да старшая всё на еловых ветках ворочаются, всё им с непривычки колко да неудобно. А кроме того, за тятку с мамкой душа у них болит: «Поди, там дома целый переполох. Поди, искать нас будут...»

Так они всю ночь и продремали вполглаза, а когда в окошках чуть забрезжило, то слышат и видят: медведица печь затапливает, начинает похлёбку варить.

Высыпала на стол, на голые доски, полон короб грибов и давай их делить на две кучи. В одну кучу — белые, крепкие боровики, в другую — всякий хлам: желтушки, зеленушки да мухоморы.

Потом хорошие грибы положила в горшок простой, чёрный; мусорные — в горшок расписной, муравлений. Сунула оба горшка в печь и кричит:

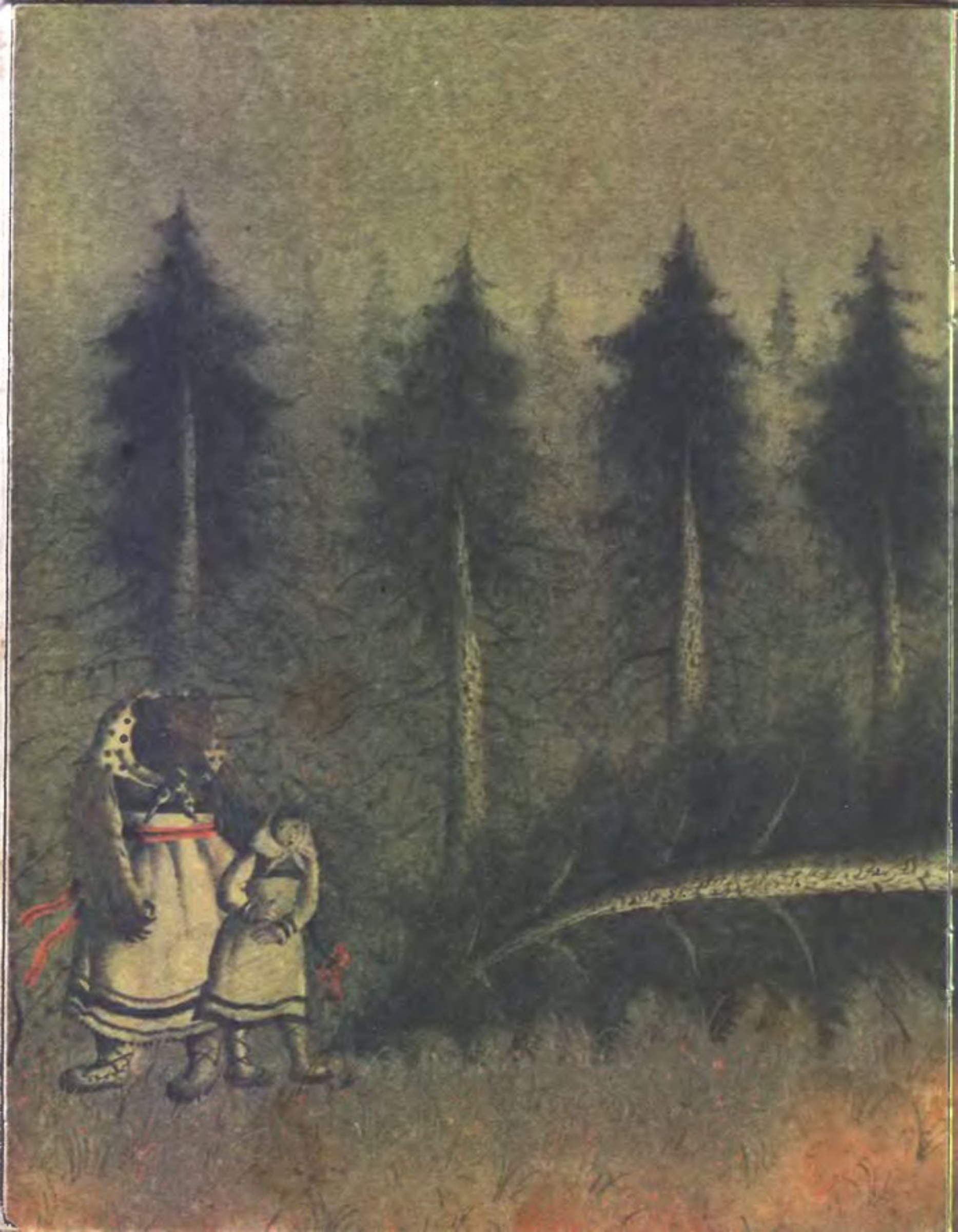
— Вставайте, девушки! Вставайте, милые! Сейчас похлёбка сварится, будем завтракать.

И вот как за стол все, кроме Миньки, уселись, медведица горячие горшки из печи выхватила, на столешницу друг за другом их брякнула и говорит:

— В этом горшке, что попроще, похлёбка для меня, для хозяйки. А вот в этом горшке, что покрасивее, — для дорогих гостей. Ешьте вволю, на всю на обратную дорогу наедаетесь!

Младшая сестрёнка схватила ложку и давай хлебать, и давай хлебать.

А средняя да старшая тоже взяли ложки, но не едят, а только вид подают. Черпнут из горшка, ко рту

поднесут, подержат да потихоньку на пол и выльют, черпнут и выльют.

И младшую незаметно под локоток толкают: «Не ешь, мол, сестрёнка, не ешь...» Да только ничего младшенькая не поняла — нахлебалась.

И тут сразу медведица встаёт, громким голосом приказывает:

— Сделано одно дельце, сделаем и другое! Выходите все трое на крыльцо.

Сестрёнки вышли на крыльцо, и медведица тоже вышла; и перебежала она просторную поляну перед домом, и обхватила там толстую, высокую ель, и покачнула её разок, и покачнула другой да так вдоль всей поляны эту ель на землю и хрястнула. Только гул по всему бору прокатился!

— Вот,— говорит медведица,— и новое дело. Самое главное! Кто перепрыгнет эту ель, тот и домой пойдёт. А кто не перепрыгнет, тот у меня в няньках останется. Миньку в зыбке будет качать... Прыгайте, прыгайте! Нечего стоять да дрожать.

А сестрёнки и в самом деле задрожали, потому что испугались. Потому что поняли: нехорошая эта медведица, хитрая. Но делать нечего — стали прыгать.

Разбежалась старшая сестрёнка, прыгнула, перелетела поваленную ёлку высоко-превысоко да и помчалась куда глаза глядят, лишь бы подальше от медведицы.

Разбежалась средняя сестрёнка, тоже прыгнула, тоже перелетела ёлку так, что даже и лапотками её не задела, и помчалась догонять старшую сестру.

А медведица удивилась:

— Как так? Не должны были перепрыгнуть! На то и похлёбка была в муравленом горшке... Ну, если и младшая перескочит, я её всё равно не упущу. Без няньки не останусь, нет!

Но младшенькая разбежалась, а перепрыгнуть ёлку не смогла. Нет у неё после обманной похлёбки сил, нет

и смелости. И завела её медведица обратно в свой дом, и строго велит:

— О родных теперь позабудь, качай теперь зыбку с моим Минькой. А я по грибы пошла...

И вот качает младшая сестрёнка зыбку с медвежонком, плачет горько-прегорько и тонким голосом поёт:

Ах, зачем меня сёстры одну оставили?
Почто малолеточку в неволе бросили?
Кто из лесу теперь меня выведет?
Кто из няnek медвежьих вызволит?

Пробегал мимо зайчик Короткий Хвост, услышал грустную песенку, сам чуть от жалости не заплакал и стукнул в окошко:

— Садись, девочка, на меня. Я тебя вызволю.

Девочка бросила качать зыбку, выбежала за дверь, села верхом на зайчика, и они поскакали.

Да только поскакали, а хитрая медведица тут как тут. Схватила зайчика поперёк живота, подняла, отшлёпала:

— Вот тебе, незваный помощничек! В другой раз поймаю, хуже будет.

И посадила девочку опять к зыбке, а сама опять в лес пошла.

И снова девочка сидит, зыбку качает, тоненьким голосом поёт:

Ах, зачем меня сёстры одну оставили?
Почто малолеточку в неволе бросили?
Кто теперь меня к маменьке выведет?
Кто из няnek медвежьих вызволит?

Бежал на ту пору волк Серое Ухо, услышал печальную песенку, сам закручинился, постучал в окошко:

— Садись, девочка, на меня. Я отвезу тебя к твоей маменьке.

Но только девочка села на волка, а медведица опять тут как тут. Подскочила, ударила волка лапой:

— Прочь, незваный помощник! Несманивай куда не надо нашу нянюшку! В другой раз поймаю, хуже будет.

И вот сидит девочка у зыбки опять одна, опять поёт:

Кто меня из лесу к маменьке выведет?
Кто из тяжкой неволи вызволит?

Услыхал песенку старый лось Большие Рога — Длинные Ноги. Ударил в окошко:

— Садись, девочка, на меня скорей! Да не забудь захватить в сених три берёзовых веника.

Бросила девочка зыбку качать, сняла с жерди в сених три берёзовых веника, выбежала на крыльцо, встала на перила, перелезла с них на лося, и ударил старый лось копытами о землю, полетел стрелой.

Выскочила медведица наперехват, да поздно! Лось — не заяц, не волк, у него смекалки побольше.

Как станет медведица беглецов настигать, так лось говорит девочке:

— Бросай веник! Бросай дальше, чтобы он перелетел через медведицу и упал на дорогу!

И летит веник на дорогу, и кидается медведица назад. Сгоряча думает: «Это девочка с лося упала!», а там — веник. И пока медведица от злости треплет его, дерёт, девочка с лосем уже полверсты проскакали...

Так они от погони и ушли. Да не только ушли, а возле самой деревни и старших сестрёнок догнали. Вот как быстро старый-то лось летел! Вот какие у него были длинные и сильные ноги!

А медведица тоже чуть не до самой деревни добежала. Но увидела высокие крыши, услышала петушиный крик да собачий лай и остановилась.

Остановилась, почесала загривок, подумала-подумала да и пошла потихоньку обратно.

Пошла зыбку со своим Минькой сама качать.

ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Жил да был богатый мужик по имени Понтей. Богатый и очень жадный.

Уродилась у него в поле рожь высока да колосиста, и тут бы только радоваться надо, а Понтей горюет:

— Опять у меня расходы! Чтобы такой урожай убрать, надо помощников со всей деревни созывать. А раз помощники придут, то их напоить, накормить надо. Они день отработают, а ты их уже корми! Они другой день отработают, а ты их опять угощай, корми. И на третий день корми, и на четвёртый... Чистое разорение! Нет, хорошо бы тут что-то придумать. Хорошо бы как-то так сделать, чтобы помощники у меня в поле наработали побольше, а я бы на их угощение хлеба, соли да кваса истратил поменьше...

И вот он ходит у своей избы под окошками, руки за спину заложил, голову опустил: думает.

А рядом с ним жил один шустрый мужичок. Он давно про скопидомство Понтеево знал, и очень оно ему надоело. И вот как увидел этот мужичок Понтея на лужайке, так сразу подходит к нему и этак вежливо-превежливо говорит:

— Здорово, дядя Понтей! О чём задумался? Ежели горе какое, поделись. Я ведь тебе сосед: вдруг да что и присоветую, вдруг да и выручу.

— Есть горе, есть...—вздыхает Понтей.—И горе есть, и посоветоваться надо бы... Да только за хороший-то совет, поди, денежку с меня стрясёшь?

— Ну что ты! Я бесплатно.

И тогда Понтей обрадовался и рассказал соседу-мужичку про свою заботу:

— Как бы сделать так, чтобы помощники у меня в поле наработали побольше, а я бы на их угощение истратился поменьше?

Мужичок и дослушивать не стал: вмиг всё сообразил.

— Знаю,—говорит,—что тут надо делать, знаю. И тебя, дядя Понтей, научу.

— Научи, милушко, научи!—так и засиял Понтей, а мужичок ему объясняет:

— День надо растянуть... День надо вытянуть так, чтобы вдвое длиннее стал. Вот у тебя помощники-то в два раза больше и наработают, а съедят во столько же раз меньше.

— Да как его растянешь? Чем?

— Ухватом, дядя Понтей, ухватом. Тем самым, которым твоя хозяйка горшки в печи переставляет... Возьми завтра утречком ухват, залезай на сосну в поле, да как солнышко подыматься начнёт, ты в него ухватом и упрись посильнее. Оно подымается, а ты его придерживай... Оно подымается, а ты его всё равно придерживай! Вот так вот день и растянется. Понял ли?

— Понял!—совсем возликовал Понтей.—Да только не обманываешь?

— Ни в жизнь! Я сам этак делаю. Правда, не летом, осенью. Когда со старухой картошку в огороде копаем. Осеннее-то солнышко куда как быстро садится; вот я его на полчаса, на часик нет-нет да ухватом над нашим огородцем и придержу... Шибко хорошо выходит! Но осенью это делать, конечно, легче. Осенью солнышко ходит невысоко, и я его придерживаю коро-

теньким ухватом, а вот тебе по нынешней, по летней поре ухват придётся насаживать на длинный шест. Есть ли у тебя такой?

— Е-есть! — совсем уже воспрял Понтей и кинулся по деревне стучаться в окошки, в калитки, скликать на завтрашний день помощников.

А рано утром, когда ещё и петухи не кукарекали, и заря не занималась, забрал у бабы на кухне самый крепкий ухват, вытянул из ограды, из прясла, самую длинную, самую толстую жердь, прикрутил к ней ухват верёвкой и помчался в поле.

Прибежал к сосне, влез почти на самую макушку, глядит — не идут ли жнецы-помощники.

И вот жнецы пришли, и новый день над полем занялся, и тогда Понтей выставил над сосною ухват как можно дальше, прицелился в красное солнышко, — прицелился да и держит, и держит его изо всех сил, чтобы оно не так быстро поднялось.

Работники жнут серпами рожь, снопы вяжут, широкие суслоны ставят, а Понтей пузе их всех старается. Толстую-то, длинную жердь с ухватом на конце, да сидя на зыбких сучках, попробуй-ка удержи! Надорвёшься...

Солнышко ещё только-только сумело над лесной опушкой приподняться, а у Понтея уже и рученьки болят, и спина занемела. Но зато он теперь так и чувствует, так и видит: время пошло намного медленней! Настолько медленней, что, можно сказать, остановилось совсем.

— Ишь ты... Получается! — бормочет Понтей. — Да как бы мне не перестараться. Похоже, я день-то не вдвое уже растянул, а раз в пять! Как бы мои работнички не догадались. А догадаются — по домам разбегутся... Нет, надо и самому отдохнуть, и мужикам да бабам дать передышку. Надо разок-другой и хлебом да квасом их угостить.

И тут он сполз с сосны, отпыхнулся, сел на землю и говорит:

— Ну, робятушки! Поработали мы хорошо, давайте-ка пообедаем.

Жнецы, конечно, очень удивились. Удивились, переглянулись. Ведь на самом-то деле и часу не прошло, как рожь убирать начали, а хозяин уже обедать зовёт. Но если зовёт, отказываться не стали: сели, пообедали.

Пообедали, отдохнули, да только за серпы опять взялись, только снопы вязать да суслоны ставить наладились, а Понтей уже вновь со своей сосны слазит.

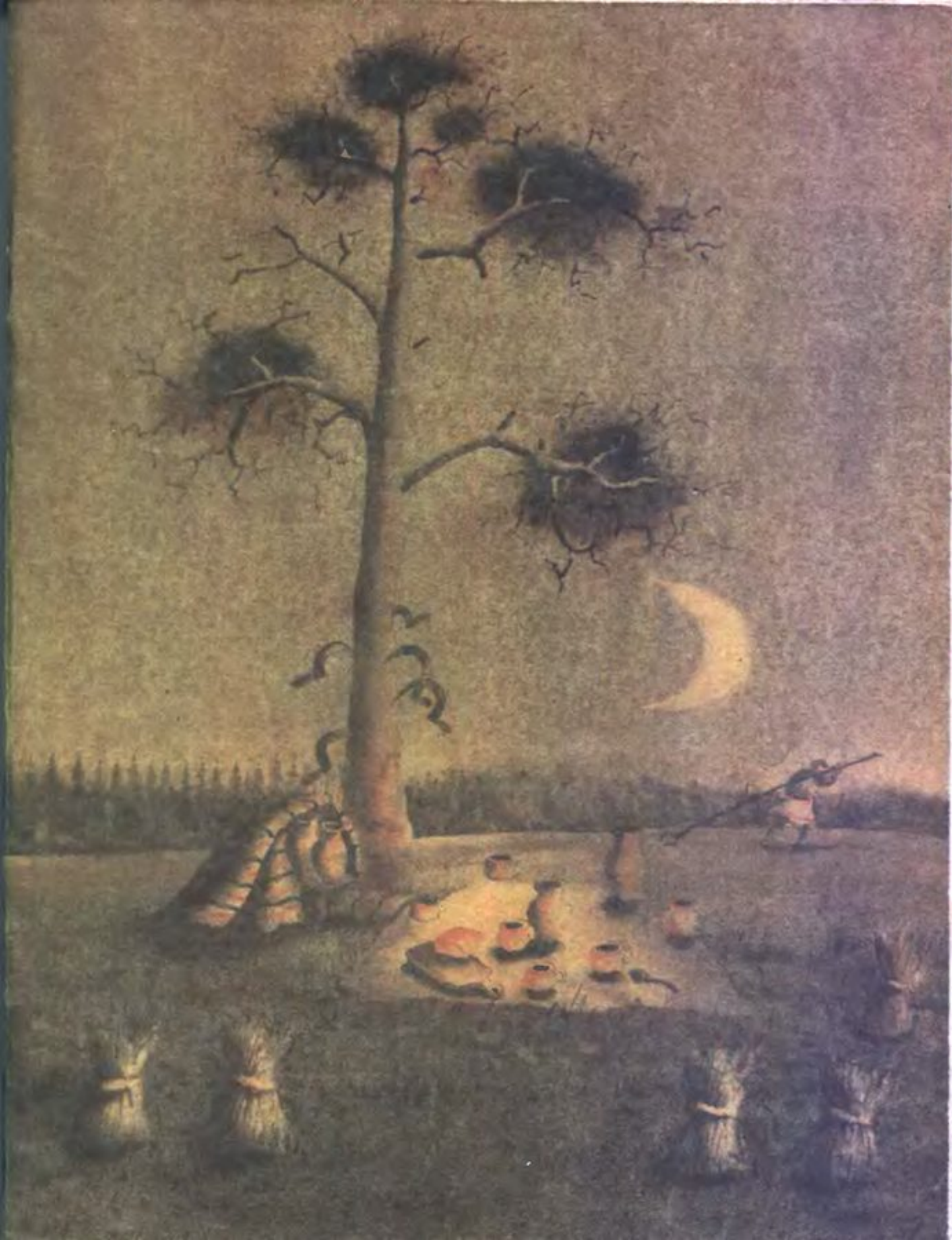
Слазит, опять отпыхивается, опять рукавом пот утирает:

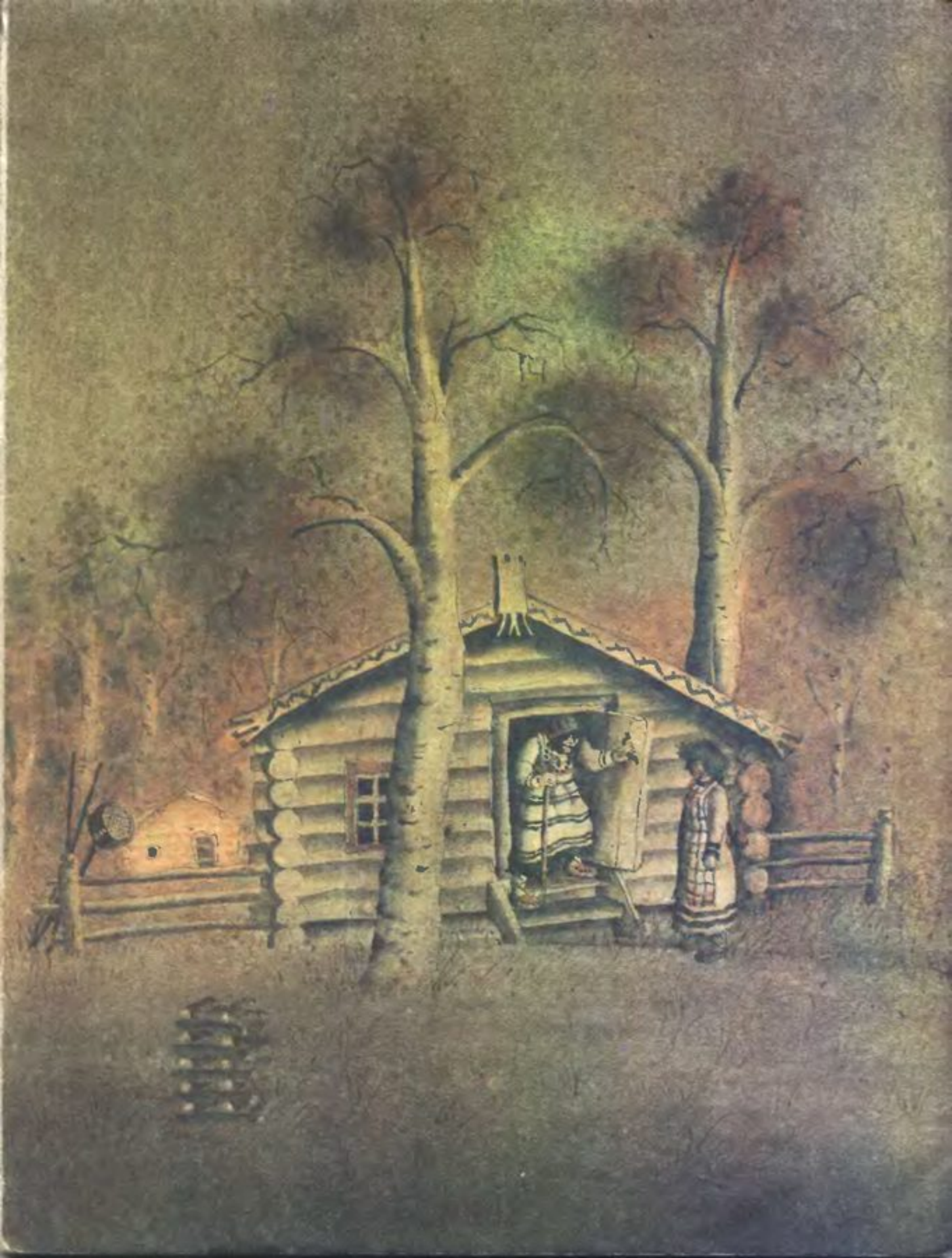
— Ну и работёнка наша крестьянская! Ну и упарились мы, робятушки! Ну и дел наворочали! Давайте-ка попопдничаем...

Так весь день у жнецов и прошёл в обедах, полдниках, ужинах да паужинах, и ничего они толком почти и не сделали на поле, но Понтей был всё равно очень рад.

Идёт под самый вечер домой, жердь с ухватом за собой волочит, едва-едва ноги переставляет, а в бородину всё ж таки ухмыляется:

— Это ж надо же сколько я сегодня хлеба да квасу сберёг! Даже и не посчитать... Работники-то думают всего лишь один день прошёл, думают, это я их за один рабочий день так здорово наугощал, а я их, глупых, накормил за целую неделю! Ай да я! Ай да мой шустрый соседушко! Завтра утром опять полезу на сосну.

ДВЕРЬ НА ЛУГУ

Жили в одной деревеньке девочка с матерью. Не было у них ни коровы, ни овечки, ни петушка, ни курочки на дворе, а жили девочка с матерью тем, что пряжу пряли да на базаре продавали.

И вот однажды направили они пряжи большой моток, и мать говорит:

— Сбегай, доченька, на речку, пряжу как следует вымой да выполощи. Я сама не могу, что-то мне нездоровится...

Взяла девочка пряжу, побежала на речку. Встала там на белый камушек и давай пряжу мыть, полоскать.

Полоскала, полоскала, да моток-то из рук выпустила, и он утонул.

Заплакала девочка, уткнулась в коленки:

— Ой, что теперь делать-то? С чем теперь на базар пойду, как для больной мамушки молочка куплю? Я ведь ей молочка купить хотела.

Плачет девочка и вдруг слышит за спиной на берегу как будто бы кто-то говорит:

— Не плачь, девочка... Не плачь, маленькая... Оглянись!

Девочка оглянулась и видит: стоит у самой речки на лугу дверь. Стоит она среди зелёной травы, среди ромашек, и вся она сосновая, строганая, а петли — серебряные.

Дверь на замок не заперта, на ветру поскрипывает:
— Глянь, девочка, за порог!

И девочка глянула за порог и увидела там тропинку.
Тропинка узенькая, не шибко натопанная, но по траве под солнышком вьётся весело, так и манит вдаль побежать.

Дверь тоже скрипит, подсказывает:

— Беги, беги! Там найдёшь свою пропажу.

Послушалась девочка, переступила порог, побежала.
Бежит, а сама всё вокруг поглядывает: «Где мой моток? Ничего я пока не вижу, одни лишь цветы на лугу, шмели да бабочки».

Вдруг смотрит девочка, а навстречу ей хохлатая курочка бредёт. Тихонько так бредёт, едва переступает лапками.

— Здравствуй, хохлатка! — говорит девочка. — Ты мою пряжу не видела?

— Нет, — отвечает курочка, — не видела. Не до того мне. Очень есть хочу. Зёрнышка у тебя в кармане, в переднике не найдётся?

— Зёрнышка нет, а вот хлеба краюшка лежит. Я её с собой на речку брала. Хватит, если отщипну кусочек?

— Как не хватит! Конечно, хватит, — обрадовалась курочка, и девочка отщипнула ей кусочек и побежала дальше.

Бежит, бежит, а навстречу петушок.

Спрашивает девочка:

— Петушок, петушок, алый гребешок! Не попадался ли тебе на тропинке моток пряжи?

— Нет, не попадался. А если и попадался, так я не заметил. Очень есть хочу! Нет ли у тебя в кармане зёрнышка?

— Зёрнышка нет, а вот хлебом угостить можно. Хватит, если отщипну от моей краюшки кусочек?

— Хватит! — обрадовался петушок, и девочка опять побежала дальше.

Бежит, торопится, а навстречу овечка. Шерсть у овечки на лбу колечком, а глаза грустные.

— Здравствуй, баренька! — говорит ей девочка. — Ты не видела на тропинке моток пряжи?

— Нет, не видела. Мне теперь не до того. Иду, бреду, а откуда-то хлебцем пахнет... Не из твоего ли кармашка? Я хлебца отведать хочу.

— Отведай. — говорит девочка. — На тебе половину моей краюшки. Да только хватит ли?

— Хватит! — обрадовалась овечка, и девочка помчалась дальше.

Бежит, а навстречу ей бурая корова идёт. Идёт, на весь луг шумно вздыхает.

— Бурёнушка, бурёнушка! Умница, красавица! Моток пряжи не видела?

— Нет, не видела. А вот ржаной хлебец ещё издали чую... Не угостишь ли?

— Угощу! Получай остаток моей краюшки. Только он очень маленький... Хватит ли?

— Хватит! — обрадовалась бурёнушка, и девочка побежала дальше.

Бежит, а навстречу никого больше нет, лишь роща на краю луга зеленеет.

И стоит там белая берёза, листьями печально шумит.

— Берёзонька, берёзонька! — говорит ей девочка. — Сразу я вижу, нет под тобою моей пропажи. Да только сама ты о чём грустишь?

Отвечает берёза:

— Пролетал озорник-вихрь, надломал мою веточку. Подвяжи платочком, а то повянет.

Тут девочка и сама вздохнула:

— Один у меня платочек, мамушкой дарённый... Да раз такая беда, — подвяжу.

И она подвязала платочком веточку, хотела бежать дальше, а берёза и шепчет:

— Далек теперь не бегай, загляни в рощу. В ро-

ще — избушка, в избушке — старушка. Вот эту старушку о своей пропаже и спроси...

Оглянулась девочка, а невдалеке, и верно, избушку видать. Стоит она под берёзками среди огорода, в огороде банька, рядом с банькой родник журчит.

Стукнула девочка в дверь избушки, оттуда старенькая-престаренькая старушка выглянула:

— Что тебе, милая, надобно?

— Здравствуй, бабушка... Не знаешь ли, где мой моток пряжи? Такой вот большой...

— Знаю, как не знать! Знаю, да скажу не сразу... А сначала истопи ты вот эту баньку. Да как затапливать начнёшь, лучину ломать примешься, так смотри, чтобы она ломалась без треску, дрова чтобы горели без копоти, а воды в котёл наносишь решетом.

Побежала девочка баньку топить, и всё у неё сначала пошло как надо.

Лучинок нащепала тоненько-претоненько, и, когда их ломала, они не трещали. Дров из поленницы набрала самых лучших, сухих, и когда они загорелись, то горели без копоти. Только вот воды решетом наносить никак не может: вся она обратно в родник сквозь дырки проливается.

Совсем было расстроилась девочка, да тут подвязанная платочком берёза ей тихо шепчет:

— Нарви моих листьев да глиной смажь...

Нарвала девочка берёзовых листьев, смазала их глиной, заклеила дно в решете и воды в баньку натаскала мигом.

А потом и пол подмела, и пару поддала, и стучится опять в избушку:

— Готово, бабушка!

— Вот, милая, и славно, вот и славно... Да только это ещё не всё. Теперь ты моих внучаток-ребятков попарь. Мне с ними самой никак не управиться.

Заглянула девочка в избушку, а ребятков там у ба-

бушки полным-полнѣхонько! И все они мал мала меньше, все голопузенькие, чумазенькие и все очень шустрые.

Как завидели девочку, так давай по избушке бегать да кричать:

— А мы париться не желаем! Мы — непривыкшие!

Но девочка сама шустрая была. Говорит:

— Я вас и спрашивать не буду!

Одного под мышку подхватила, второго к себе на закрошки посадила, третьему, четвёртому подшлёпнула — они сами, своим ходом помчались в баньку. А там она их всех уложила на полók в один тесный рядок, жару-пару ещё подбавила да и давай веничком охаживать!

Шлёпает мокрый веник по горячим спинкам: плюх да плюх, а ребяташки только отпыхиваются: «Ух да ух!» Были они чумазенькими, стали чистенькими, розовыми. Сами девочке кричат:

— Ох, тётенька, как хорошо! Ещё поддай пару!

Напарила их девочка всех дорумяна, представила бабушке:

— Получай своих внучаток! Всё ли теперь я сделала?

— Теперь всё, — говорит старушка. — Теперь прими от меня вот этот пестерёк с крышечкой и ступай домой. Крышечку в пути не открывай, всё, что под ней, дома увидишь. Под крышечкой и моток найдёшь.

Приняла девочка подарок, поклонилась низѣхонько старушке и ребяташкам, побежала домой.

Поравнялась с белою берёзой, та шелестит:

— Погоди, я тебе должок отдам.

И уронила на плечи девочке новенький шёлковый полушалок.

Догнала девочка на тропинке бурую корову, а та говорит:

— погоди, и я с тобой пойду. К тебе во двор жить пойду и к твоей мамушке.

Догнали девочка с коровой овечку, а та говорит:

— И я с вами!

Догнали девочка, корова, овечка курицу с петухом, а те тоже просят:

— Берите и нас в компанию!

И вот они все впятером подходят к тому месту, где раньше на зелёном лугу сосновая дверь стояла, а двери той уже и в помине нет.

Зато девочкаина деревенька рядом, и сама мамушка навстречу торопится, бежит:

— Где хоть ты, милая дочка, у меня потерялась-то?

— Разве я потерялась? — смеётся девочка. — Смотри, я с кем домой пришла: с коровушкой, с овечкой, с курочкой да с петушком... Они теперь наши! А то, что в самом деле терялось, то тоже нашлось. Глянь-ка!

И девочка открыла пестерёк, а там моток пряжи лежит. Только теперь вся пряжа не простая, а золотая. Так в берёзовом пестерёке вся и светится!

© Пересказ по рисунку мамы. Иллюстрация
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1980 г.

70801—534
А М101(03)80 006—80